

Секция «История»

Научные общества и власть в первые послереволюционные годы

Синельникова Елена Федоровна

Аспирант

Санкт-Петербургский Институт Истории РАН (СПБ ИИ РАН), Отдел Современной истории России, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Научные общества – одни из важнейших элементов научной жизни любой страны. Научные общества в дореволюционной России были довольно многочисленны и являлись основными очагами исследовательской работы, наряду с лабораториями университетов и Академией наук [1, 21].

После октябрьской революции советское правительство не ликвидировало и не запретило деятельности многочисленных обществ и союзов [4, 3]. В первые годы советской власти некоторые дореволюционные научные общества (Российское общество морского права, Юридическое общество при Петроградском Университете и др.) так и не смогли возобновить свою работу. Однако в эти же годы создавались и новые (Общество радиоинженеров, Научное общество материнства и младенчества, Научное общество марксистов и др.). В этот период наиболее доступными для научных обществ были такие формы работы как лекции и доклады, в узком кругу своих членов, и публичные выступления для широкой аудитории. Продолжались и научные наблюдения, в результате экспедиций собирались ценные коллекции, продолжалась работа лабораторий и станций [1, 48]. Все это не могло осуществляться без государственной поддержки.

Какими же были отношения научных обществ и власти в первые послереволюционные годы? Как справедливо отмечает Л.Р. Грехам: «содержание науки часто является политическим, . . . , ее поощрение обычно является политическим, и она, в свою очередь, часто затрагивается политикой. . . » [7, 193-194], поэтому, чрезвычайно показательно, что документы Научного отдела Наркомпроса первых послереволюционных лет свидетельствуют, что финансовая и иная поддержка оказывалась только тем научным учреждениям и объединениям, в которых власть была заинтересована.

Отношение власти к научным обществам зависело от области научных занятий последних. Так в основном деятельность обществ, чьей сферой научных интересов являлись технические науки, безоговорочно признавалась полезной и им немедленно выделялись субсидии [6], напротив обществам ведущим гуманитарные исследования в финансовой поддержке отказывали [2], от естественно-научных старались отделяться обещаниями.

Как известно, по мысли советских теоретиков на смену дореволюционным ученым-гуманитариям должны были придти советские, работающие на основе марксистско-ленинской методологии. А вот доверие и поддержку ученых-«технарей» молодая советская власть стремилась завоевать любым путем, осознавая потребность в их знаниях для создания мощного индустриального государства. К тому же власть, без сомнения, считала ученых «в гуманитарных науках [политически] менее надежными, чем в естественных науках» [7, 86].

Однако, несмотря ни на что, научные общества, продолжавшие работать в это тяжелое для всей страны время, видели в Научном отделе Наркомпроса своего защитника и

помощника. Так Русское техническое общество обращалось в Отдел в ноябре 1918 г. с просьбой ходатайствовать перед Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениям по должности об освобождении двух членов общества из-под ареста [5]. А Общество страховых знаний в мае 1919 г. просило помощи в разрешении конфликта с Петроградским Отделением Пожарного Страхового Отдела ВСНХ [3]. И подобных обращений можно привести в качестве примеров великое множество. Необходимо отметить, что Наркомпрос старался по мере возможности удовлетворить просьбы обществ.

За субсидиями непременно обращались в Научный отдел Наркомпроса, однако помимо финансовых вопросов приходилось решать и материальные проблемы обществ – предоставлять дрова и топливо, включать служащих обществ в списки Отдела на получение пайков и т.д.

В целом, отношение власти к научным обществам в эти годы было противоречивым. С одной стороны, власть была заинтересована в сохранении и привлечении на свою сторону ученых, входивших в научные общества, и поэтому старалось оказывать им поддержку (хотя, как уже отмечалось, поддержка эта было дифференцированной), а, с другой стороны, в эти годы власть инициировала создание большого числа научных учреждений других типов, причем подчеркивалось, что научные общества как организационная форма науки устарела, но при этом власть также организовала разнообразные научные общества-марксистов.

Окончание гражданской войны знаменовало начало нового этапа в отношениях власти и научных обществ, который характеризовался усилением регламентации и контроля за деятельностью обществ.

Литература

1. Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки (1917-1922). М., 1973.
2. В Русское историческое общество // ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп.1. Д. 65. Л. 51.
3. Комиссару Народного Просвещения. Правление Общества страховых знаний // ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп.1. Д. 181. Л. 4.
4. Коржихина Т.П. Общественные организации СССР в 1917-1937 гг. М., 1981.
5. Научному Отделу Народного комиссариата по просвещению ССК // ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп.1. Д. 58. Л. 42.
6. Выписка из Сводного заключения Отдела Уч. Учреж. и Высших Учеб. Зав. по субсидиям, предложенным ученым обществам и изданиям, на первое полугодие 1919 года // ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп.1. Д. 58. Л. 52-52об.
7. Graham, L.R. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927-1932. Princeton, New Jersey : Princeton University Press. 1967.